

ВОЕННЫЕ МЕМОАРЫ

Н. Н. Муравьев-Карский

**Собственные
записки**

1811—1816

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва

2020

УДК 82-94
ББК 63.3(2)47
М91

Публикуется по изданию: Русский архив. 1885. Вып. 9.
С. 5–84; Вып. 10. С. 225–262; Вып. 11. С. 337–408; Вып. 12.
С. 451–497; 1886. Вып. 1. С. 7–54; Вып. 2. С. 69–146

Муравьев-Карсский Н. Н.

М91 Собственные записки: 1811–1816 / Вступ. ст.
А. М. Вальковича; именной указ. А. М. Вальковича
и В. Е. Климанова. — 2-е изд. М.: Кучково поле,
2020. — 544 с. (Военные мемуары)

ISBN 978-5-9950-0987-0

«Собственные записки» русского военачальника Николая Николаевича Муравьева (1794–1866) — уникальный исторический источник по объему и широте описанных событий. В настоящем издании публикуется их первая часть, посвященная тому времени, когда автор будучи офицером Свиты Его Величества по квартирмейстерской части участвовал в основных сражениях Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов.

По полноте нарисованных картин войны, по богатству сведений о военно-походной жизни русской армии, по своей безукоризненной правдивости и литературной завершенности записки Н. Н. Муравьева являются одним из самых заметных явлений в русской мемуарной литературе, посвященной эпохе Наполеоновских войн.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-9950-0987-0

© Валькович А. М., вступ. ст., 2015
© ООО «Кучково поле», 2015

Предисловие

Среди воспоминаний русских офицеров о грандиозной эпохе Отечественной войны 1812 года «Собственные записки» Н. Н. Муравьева-Карсского (1794–1866), выдающегося военачальника, в годы Крымской войны прославившегося взятием турецкой крепости Карс, занимают особое место. В отличие от многих других произведений мемуарного жанра, посвященных тому героическому времени, эти воспоминания написаны с редкой правдивостью и впечатляющей подробностью. В них содержатся масштабные и яркие картины незабываемых кампаний русской армии против Наполеона в 1812–1814 годах, представленные с позиции просвещенного офицера, с честью выдержавшего все испытания той военной поры. Несомненным достоинством «Собственных записок» Н. Н. Муравьева-Карсского является и то обстоятельство, что созданы они вскоре после описываемых событий, пока в памяти молодого офицера еще свежи были впечатления от всего им испытанного и увиденного в те годы.

Николай Николаевич Муравьев родился в Петербурге в семье морского лейтенанта, отважно сражавшегося в войне со шведами. Его отец Николай Николаевич Муравьев (1768–1840) получил отличное домашнее образование и завершил курс наук в Страсбургском университете. По заключении Верельского мира он женился на дочери инженер-генерала Александре Михайловне Мордвино-

вой (1770–1809), чья внешность, по отзыву сына, «соответствовала ее прелестным качествам души». Счастливые супруги, как и большинство дворян того времени, были многодетны: у них были пять сыновей и одна дочь. Это позволяло родственникам большое и дружное семейство Муравьевых шуточно называть «Муравейником». Николай был вторым ребенком в семье. Родители, несмотря на скромное состояние, постарались дать своим детям прекрасное домашнее образование. Николай проявил большие способности в постижении «математических наук», в совершенстве знал, помимо необходимого в свете французского, также немецкий и английский языки. Его младший брат Михаил, будучи студентом Московского университета, в 1810 году основал «Московское общество математиков» в целях распространения математических знаний посредством бесплатного преподавания и перевода лучших иностранных математических трудов. Муравьев-старший был избран президентом и принял самое живое участие в работе общества, где состояли и его сыновья.

В следующем году Николай, успешно выдержав в феврале экзамен, поступил на военную службу колонновожатым Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части, где призвана была служить элита русской армии, и куда поступили на службу и его братья: Александр и Михаил. Николаю шел семнадцатый год. Отличные знания его в математике обратили на себя внимание князя П. М. Волконского, управляющего квартирмейстерской частью. Юный колонновожатый преподает геометрию в математических классах при чертежной канцелярии квартирмейстерской части, затем его назначают смотрителем вновь открывшегося в Петербурге училища колонновожатых, и одновременно он заведует библиотекой училища.

13/25 апреля 1811 года Николай Муравьев получил производство в первый офицерский чин. В молодые лета

он терпел «много нужды» и был вынужден жить на небольшое офицерской жалованье. С юности он увлекался идеями Ж. Ж. Руссо и вместе с братьями и некоторыми сослуживцами был основателем преддекабристского общества «Юношеское собрание» или «Чока». Молодые люди намеревались отправиться на остров Сахалин, где собирались основать коммунистическую республику. Однако надвигающаяся военная гроза заставила их отказаться от этих утопических мечтаний. В открывшейся кампании 1812 года прапорщик Муравьев, получивший для отличия от братьев № 2, состоял при гвардейском корпусе великого князя Константина Павловича, а после отъезда цесаревича из армии поступил в Главную квартиру 1-й Западной армии под начальство генерал-квартирмейстера К. Ф. Толя. Вместе с братьями он участвовал в сражении при Бородино, где, согласно наградному списку, Муравьевы, «находясь в сражении, посылаемы были в опасные места, проводили войска по назначению с раторопностию и неустрашимостию»*. В награду Николай получил свой первый боевой орден — Св. Анны 3-й степени. После оставления Москвы он состоял «в авангардной кавалерии, с коей был в сражениях: под Красной Пахрой, под Чириковым, и с генерал-адъютантом Корфом под Гремячевым; потом командирован в авангард под команду генерала от инфантерии графа Милорадовича и был в сражениях: октября 6 под Тарутиным, 22 под Вязьмой и при преследовании неприятельских войск до Вильны...»**. В конце похода свитский офицер перемогался от болезни, но продолжал нести свою нелегкую службу. Описывая

* Подвиги офицеров и солдат русской армии в сражении при Бородине: Сборник документов. М., 2012. С. 16–17.

** Формулярный список о службе и достоинстве Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части полковника Муравьева. Ноября 30 дня 1820 года. Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 7065. Л. 7об.

то время, он вспоминал: «Служба наша не была видная, но трудовая; ибо не проходило почти ни одной ночи, в которую бы нас куда-нибудь не послали. Мы обносились платьем и обувью и не имели достаточно денег, чтобы заново обшиться. Завелись вши. Лошади наши истощали от непрерывной езды и от недостатка в корме. Михайла начал слабеть в силах и здоровье, но удержался до Бородинского сражения, где он, как сам говорил мне, «к счастью, был ранен, не будучи более в состоянии выдержать усталости и нужды». У меня снова открылась цинготная болезнь, но не на деснах, а на ногах. Ноги мои зудели, и я их расчесывал, отчего показались язвы, с коими я, однако, отслужил всю кампанию до обратного занятия нами в конце зимы Вильны, где, не будучи почти в силах стоять на ногах, слег»*. В армию Н. Н. Муравьев вернулся в апреле 1813 года и принял участие в главных сражениях кампаний в Германии и Франции. Боевые отличия принесли ему дважды повышения в чине и новые ордена, а в августе 1814 года он в числе лучших свитских офицеров был переведен поручиком во вновь учрежденный Гвардейский генеральный штаб. В 1816 году Н. Н. Муравьев в чине штабс-капитана состоял при посольстве генерала А. П. Ермолова в Персии, а по успешному завершению дипломатической миссии остался продолжать службу на Кавказе. Здесь мы прерываем наш рассказ о жизни и деятельности автора мемуаров, поскольку продолжение последует во втором томе публикаций его дневников и воспоминаний за последующее время.

В послевоенные годы Н. Н. Муравьев начал писать свои воспоминания, составившие шесть частей и охватывающие период его военной жизни с 1811 по 1816 год, где главное место занимали события героической и драматической эпохи 1812 года. Последнюю часть, написанную в Тифлисе в декабре 1818 года, он заключил

* См. с. 118–119 настоящего издания.

следующими знаменательными словами: «Тружусь и стараюсь усовершенствовать себя; вижу свои недостатки, испытываю себя. Таким образом провел я уже более двух лет»*. Над этими воспоминаниями работал он и в последние годы своей жизни, добавляя примечания и тщательно вымарывая некоторые фрагменты из текста «Записок», а иногда удаляя и целые листы, наверное, отличающиеся излишней смелостью суждений, поскольку автор был человеком независимых убеждений, полностью разделяющим передовые взгляды своего века. Н. Н. Муравьев представил запоминающуюся правдивую картину событий эпохи 1812 года. Его мемуары написаны живым литературным слогом и очень занимательны. Здесь истории трагические нередко соседствуют с комическими. Немало в них и сатиры. По богатству сведений о военно-походном быте русской армии, по впечатляющим описаниям сражений, по ярким характеристикам генералов и офицеров, с которыми ему довелось служить, «Записки» Н. Н. Муравьева по праву занимают одно из главных мест в русской мемуарной литературе, посвященной эпохе 1812 года.

После смерти генерала его мемуары были представлены в редакцию журнала «Русский архив» одной из дочерей Н. Н. Муравьева — Александрой Николаевной Соколовой. Их опубликовали по оригинальной рукописи с цензурными купюрами под названием «Записки Николая Николаевича Муравьева» в нескольких номерах журнала в 1885–1886 годах**. Вскоре после публикации виднейший российский историк А. Н. Пыпин оценил эти воспоминания как «наиболее любопытные свидетельства, какие оставили современники об этой великой эпохе»***.

* См. с. 503 настоящего издания.

** Оригинал воспоминаний находится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея.

*** *Пыпин А. Н.* Очерки литературы и общественной при Александре I. Пг., 1917. С. 365.

Обнародованный более 100 лет назад этот уникальный источник впоследствии был почти забыт. Предпринимаемое настоящее издание позволяет вернуть нашим современникам возможность познакомиться с интереснейшими мемуарами и существенно пополнить наше представление о том столь далеком, но по-прежнему притягательном периоде русской истории, названном А. С. Пушкиным «временем славы и восторга». Текст воспоминаний приведен в современной орфографии с сохранением своеобразия русского языка первой четверти XIX века, исправлены опечатки первого издания и в ряде случаев восстановлены пропущенные слова и предложения. В именном указателе содержатся биографические данные об упоминаемых в мемуарах лицах, число которых превышает шестьсот человек. Сведения о гвардейских и армейских офицерах основаны на материалах полковых историй и архивных дел.

Пользуясь случаем, сердечно благодарим признанных знатоков французской и прусской армий наполеоновской эпохи А. А. Васильева и С. Ю. Люлина, любезно предоставивших биографические данные о некоторых французских генералах и офицерах прусской гвардии.

А. М. Валькович

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Со времени определения в службу до выступления в поход. 1811–1815

(Писано в Петербурге в 1816 году)

Родился я 14 июля 1794 г., воспитывался и учился в родительском доме. В феврале месяце 1811 г. отец привез меня в Петербург для определения в военную службу.

Я не имел опытности в обращении с людьми, обладал порядочными сведениями в математике, не имел понятия о службе и желал вступить в нее. Уже четыре года был я влюблен. Сначала я бывал только у своих родственников, т. е. у братьев и двоюродного брата Александра Мордвинова. С сим последним и со старшим братом детские ссоры довольно часто расстраивали наше согласие; в детстве ссоры эти вызывали между нами драки, в описываемое время кончались упреками, иногда горькими; теперь же спором и смехом.

Брат Александр был годом меня старше в службе. В день приезда моего в Петербург он возвратился из Волыни, куда был командирован для съемки. Увидев его в офицерском мундире, я сердечно порадовался при мысли, что скоро сам его надену. Дня три после его приезда отец повез меня рекомендовать к капитану Сулиме, а сей последний к генерал-адъютанту князю Петру Михайловичу Волконскому, который, исправляя тогда должность

генерал-квартирмейстера, исключительно занимался преобразованием Генерального штаба, называвшегося тогда свитой Его Величества. Наступил страшный день, назначенный для экзамена. Полковник Хатов и подполковник Шефлер, которые меня экзаменовали, первый в фортификации, а второй в математике, знали менее моего; я хорошо выдержал экзамен, они остались довольны и донесли о том князю, который поздравил меня колонновожатым и приказал мне немедленно явиться в Семеновский полк к полковому адъютанту Сипягину для обмундирования. Я прибежал домой, запыхавшись, и обрадовал отца, который с нетерпением ожидал решения (подагра его удерживала в постели). То было в пятницу. Мне не терпелось надеть братнин кивер и саблю, и, поехав в Семеновский полк, я заказал себе мундир, который надел в воскресенье поутру.

Первое происшествие, сопровождавшее вступление мое в свет и на службу, ознаменовалось пощечиной, не у места, но правильно данной. Не похваюсь сим поступком, но полагаю горячность свою извинительной в уважение молодости моей и неопытности; ибо я не воображал себе, что неблагопристойно было в хорошем обществе дать заслуженную пощечину. Конечно, пощечина дается только в той крайности, когда противник другой обиды почувствовать не умеет; иначе давший ее подвержен получить подобную же; но в настоящем случае последствия показали, что пострадавший мало огорчился. Приступим к делу.

Надев мундир, мне следовало идти к присяге и явиться к князю Волконскому. Но, рассудив, что в воскресенье никого дома не застанешь, я отложил явку свою до понедельника. В тот же день у адмирала Н. С. Мордвинова были бал и маскарад. Я увижу Н. Н., она меня увидит в мундире; что могло быть увлекательнее! Батюшка страдал подагрой и остался дома, а меня ввечеру отправил с братом к Николаю Семеновичу. Променял ли бы я

турецкий или испанский костюм на колонновожатский мундир? Я приехал с кивером в руках, не снимал сабли и стучал шпорами, часто спотыкаясь. Поляки, турки, гусары, рыцари — все казались мне ниже меня. Переодетая Н. Н. явилась с двумя рыцарями. Семен Николаевич Корсаков и брат ее Сашенька обнажили мечи и делали пример боя; один из рыцарей упал, а другой увел ее танцевать. Я стал в углу и завистливыми глазами глядел на счастливого Корсакова. Вблизи меня в первой паре стоял Михайлов, переодетый в гусарское платье штабс-ротмистра Фигнера*, одетого туркой и танцевавшего во второй паре со своею невестой, сестрой Михайлова. Михайлов, подойдя ко мне, насмешливо сказал:

— А унтер-офицер танцевать не смеет, — и, не дав мне времени отвечать, поспешил к своей даме, с которой удалился.

Кровь во мне закипела. По окончании экосеза я подошел к Михайлову и, напомнив ему сказанные слова, хладнокровно, учтивым образом, просил у него объяснения. Он замешался; на то время подбежал Александр Мордвинов и, узнав в чем дело, шуткой сказал Михайлову:

— Что вы армейские! Знаете ли, что всякий колонновожатый достоин большего уважения, чем ваш поручик?

— Согласен, — отвечал мне Михайлов, — что ваш корпус почетный, но и я также выдерживал строгие экзамены. — Затем он стал распространяться в названиях наук, ему известных. Похвалив знания его, я возразил ему, что нимало в том не сомневаюсь, но прошу объяснения первых его речей.

— Что же, — отвечал Михайлов, — я ведь знаю ваших офицеров, потому что служил с ними в Молдавии; я сам свидетель того, как одному полковнику вашего корпуса однажды приказали выстроить мост, и так как он сего не умел сделать, то принуждены были командировать к по-

* Николай Самойлович Фигнер — брат знаменитого партизана в Отечественную войну.

стройке моста пехотного поручика; посудите сами, если у вас полковники такие ослы, то почему колонновожатым не быть хуже?

Пощечиной отвечал я Михайлову при всех. Не выражу того, что я в эту минуту чувствовал. Я был уверен в правоте своего дела, но взволнован и находился в таком необоронительном положении, что Михайлов мог меня тут же ударить. Сужу теперь, что при всякой ссоре надобно иметь левую руку более в готовности, чем правую.

— Что вы сделали? — вскрикнул центра тяжести лишенный Михайлов, схватив меня за руку.

— Свой долг, — отвечал я ему, — и готов сейчас дать вам удовлетворение, какое вам будет угодно. Пойдемте!

— Знаете ли вы, что я сделаю? — сказал Михайлов. — Я сейчас пожалуюсь Николаю Семеновичу. Вы были свидетелем, господин Гамалей; благоволите утвердить, а вы господин Муравьев щенок!

— Ах, — вскричал я, — подлец, тебе и этого мало; так постой же!

Я вздрогнул от бешенства и побежал в другую комнату искать по углам какой-нибудь трости, чтоб порядком прибить Михайлова. Пока я метался, Михайлов, в сопровождении Гамалея, сам рассказал дамам свое несчастье, ссылаясь на свидетеля. К счастью, Николай Семенович в то время сидел в кабинете, откуда он вышел в гостиную тогда, как меня уже не было в доме. Суматоха сделалась страшная: гости стали разъезжаться прежде времени. Фигнер сидел в углу со своею невестой, когда бесчестие брата ее до него дошло. Он прибежал ко мне и, схватив меня за руку, просил скорее удалиться. На то время подошел брат Александр, который, увидев меня в жарком разговоре, успокоил нас и вместе с Фигнером уговорил меня уехать. На крыльце сопровождали меня выражения удовольствия слуг, которым Михайлов сам уже успел рассказать свое приключение. Они не любили его и радовались случившемуся с ним.

Смущенный возвратился я домой и рассказал отцу о случившемся. Он встревожился, побранил меня за запальчивость, но сказал, что я должен непременно драться, на что я охотно согласился. На другой день приехал Корсаков и объявил о намерении Фигнера вступить за честь Михайлова. Я на все был согласен; но батюшка, опасаясь, чтобы я чрез поединок не пострадал по службе, пригласил письмом Фигнера к нему приехать. Поговорив с ним наедине, он позвал меня и сказал:

— Николай, ты должен извиниться, я этого требую. Николай Самойлович будет посредником.

Нехотя принужден был я повиноваться, и меня повезли к Михайлову.

— Александр Михайлович, — сказал я ему, — сожалею, что слишком погорячился третьего дня; но сознайтесь, что вы первые были неправы.

— Конечно, я был неправ, — отвечал он, — но и вы не должны были... Неудовно ли чаю?

— Благодарю вас, — сказал я, — сейчас пил дома, прощайте, — вышел от него и уехал.

Фигнер, провожая меня, уверял в чувствах своего уважения ко мне, а я довольным возвратился домой. Бедный Михайлов, который за несколько дней перед своей бедой только что приехал в Петербург, чтобы повеселиться, принужден был возвратиться в деревню. Я же был осужден не бывать больше в доме Николая Семеновича, что продолжалось более месяца. Старик был непреклонен к просьбам моих родственников; наконец, по ходатайству тетки Катерины Сергеевны, был я снова им принят.

— Mon cher ami, — сказал он, обнимая меня, — quand on veut faire la paix, il ne faut plus parler du passé, que tout soit oublié*.

* Мой дорогой друг, если хочешь помириться, не надо говорить о прошлом, все должно быть забыто (фр.). — *Здесь и далее пер. с фр. О. Андреевой.*

Так все и кончилось. Впоследствии товарищи, узнав о случившемся, неоднократно благодарили меня за то, что я вступился за доброе имя корпуса, в коем они служили.

Вскоре по определении меня на службу батюшка уехал обратно в Москву. Князь Волконский дал мне занятие в своей канцелярии, и, спустя месяц, назначен был мне экзамен для производства в офицеры. Мною остались очень довольны и поставили в списке к производству вторым; но, к несчастью моему, за два дня перед тем учредили у нас прапорщиков, и так вместо подпоручиков вышли мы прапорщиками. Впрочем, радость надеть офицерский мундир изгладила сию небольшую досаду. Я был произведен 1811 года апреля 14-го дня, в день рождения брата Сергея.

Однажды, как я сидел за работой, князь подошел ко мне.

— Муравьев, — сказал он, — Бетанкур уверяет, что в его корпусе последний юнкер загоняет в математике лучшего из наших новопроизведенных. Тебе заступиться за честь вашу; я тебе завтра пришлю билет, а послезавтра поедем на экзамен в корпус инженеров путей сообщения. Постарайся загонять их хорошенько, там и наши будут.

В угождение князю я занялся эти два дня, затвердил самые сбивчивые задачи и, приготовив себя таким образом, я прибыл на экзамен. Меня приняли приветливо, но ученики смотрели на меня как на злодея, явившегося, чтоб воспрепятствовать их производству в офицеры. Начали с самых слабых. Условленные между профессорами и учениками вопросы и ответы спасли их от неудачи. Явились и сильные. Бетанкур, привстав, пригласил меня экзаменовать. Я сделал несколько вопросов, но удачные ответы сокрушали меня. Князь Волконский мне глазами мигал и морщился; наконец, в удовольствие ему, я задал следующее: извлечь $\sqrt{x-7}$. Этой пустой задачей мне наконец удалось сбить бедного кандидата, который смешался.

Сам Висковатов, удивленный замешательством ученика своего, встал и не умел сего решить. Князь восторжествовал. Предвидя скорое решение задачи моей, я поспешил сам указать решение и тем не дал времени раздосадованным противникам затруднить меня усложненными формулами; пользуясь своим званием экзаменатора, я не переставал вопрошать и таким образом избавился от заготовленной мне грозы, ибо, в сущности, инженеры более нашего смыслили в математике. Князь, Бетанкур и все свидетели поздравили меня с успехом, а я, похвалив учеников, более меня сведущих, не остался лишнего времени и поспешил домой.

С тех пор дух соперничества поселился между нашими офицерами и инженерами путей сообщения, и они получили от нас название болотников. Я не сомневаюсь, однако же, что они превзошли нас в знании математики.

В то время чертежная наша и канцелярия помещались в Михайловском дворце, где также завелись математические классы. Подполковник Шефлер преподавал колонновожатым геометрию. Он ее твердо знал и хорошо преподавал; но видно, что занятием этим тяготился, ибо он с моего согласия просил князя поручить мне сей класс, что и сбылось. Отобрав восемь из лучших колонновожатых, я, с согласия Шефлера, пригласил их ходить каждый день учиться ко мне на дом. Я жил тогда под Смольным монастырем на квартире дяди Мордвинова, который лето проводил в деревне. Двое из учащихся у меня колонновожатых подлинно успели в математике. Уроки сии занимали меня.

В то время как я преподавал, заводилась у нас другая школа. Князь Волконский, при всем властолюбии своем и благонамеренности, начал подчиняться влиянию приверженцев, коих достоинства он не всегда умел различить или оценить. Капитан свиты Его Величества и, как говорят, самозванец, граф Фалькланд, беглый из французской службы, получил тогда доверие князя

по части преподавания математики. Трудно разобрать этого человека. Нельзя было ему отказать в больших сведениях по математике, при том он говорил ясно; но страсть его была учить, — и чему в особенности? Нумерации! Полагаю, что разум его был несколько помрачен от усиленных занятий; страдая сильной чахоткой, он не переставал кричать и толковать начала арифметики по самый конец своей жизни. Сначала он меня полюбил и, чувствуя приближающуюся смерть, хотел сделать меня наследником своих бумаг и сочинений; но впоследствии я не мог не видеть оскорбления подчиненных мне колонновожатых, которых обязали также ходить к Фалькканду. Я поссорился с ним и чрез то избежал труда разбирать стопы бумаги, измаранной математическими формулами, до коих, в сущности, я небольшой охотник.

Фалькканд уверил князя, что никто из новопроизведенных офицеров не постигает тайны нумерации. Князь тщетно старался также нас в том уверить; но как голос его был сильнее истины, то и стали мы по приказанию его ходить каждый день после обеда к графу-самозванцу, где в течение двух месяцев практиковались в счете и четырех правилах арифметики по шестеричной, восьмеричной и другим системам нумераций. Однажды вздумалось нам побунтовать. По общему согласию, на лекции, Дурново прочитал Фалькканду речь от имени всех товарищей. Все встали со своих мест и сообща старались внушить Фалькканду, что, дорожа своим временем, мы не находим нужным тратить его понапрасну на такие пустяки, как изучение нумерации, и, наконец, что офицерский чин избавляет нас от несносной скуки к нему на лекции ходить; но увы! Фалькканд был хитрее нас: прокашлявши с четверть часа и выслушав нас с улыбкой, он согласился в правоте нашего суждения, но ссылаясь на волю князя, которую обязан был исполнить. Впрочем, он, вопреки обыкновению своему, долго любезничал с нами; отпуская же нас, каждому пожал руку и расстался с нами

по-приятельски. Мы после узнали, что он в это время ожидал к себе князя, который, однако, не приезжал. На другой день князь нас к себе собрал и разразился грозой на несчастного Дурново. Щербинин и я стали было говорить, но нам велели молчать, и мы замолкли. Приказали нам снова ходить учиться, и мы ходили, пока совершенно расстроенное здоровье Фальккланда не позволило ему больше преподавать таблицу умножения. Признаюсь, мы очень опасались его выздоровления, и каждый день имели верные сведения о состоянии его здоровья. Он вскоре и умер от чахотки.

Я жил близ Смольного монастыря, в так называемой Подгорной, на квартире у дяди Мордвинова. Связи и знакомства мои не были обширны. Особенной дружбы ни с кем не имел, в приятельском же кругу бывали у меня сослуживцы Колычев и Михайла Александрович Ермолов; часто видался я также с Матвеем Муравьевым-Апостолом, служившим тогда юнкером в Семеновском полку. Колычев принадлежал к числу тех молодых людей, которых называют отчаянными головами; ему было 23 года, он имел сведения и был верный товарищ. Он сначала имел неудовольствия по службе, потому что поссорился с начальником; впоследствии, в кампании 1812 г., он пристал к партизанам и по отличию достиг чина ротмистра в Александрийском гусарском полку. Ермолов был мне ровесник. Он был хорошо воспитан, скромн и с познаниями. Товарищи любили его. Он перешел от нас в гвардейский Егерский полк, где также приобрел себе общее расположение сослуживцев и начальников. В 1813 г. Ермолов отличился храбростью в сражении под Кульмом, где был жестоко ранен. Матвея Муравьева-Апостола я очень любил. Он благородный малый и прекрасного нрава; жаль только, что он мало учился, через что природные дарования его остаются втуне; хотя он характера легкого и склонен следовать примеру других, он может заблуждаться, но правила че-

сти его безукоризненны. Он приходил ко мне делить свое горе, ибо имел неудовольствие от своего отца, который не умел ценить счастливого нрава Матвея. С братом его Сергеем я не был так близок, как с ним.

Я жил вместе с братом Александром и двоюродным братом Мордвиновым. Случалось нам ссориться, но доброе согласие от того не расстраивалось. Мы получали от отца по 1000 рублей ассигнациями в год. Соображаясь с теми средствами, мы не могли роскошно жить. Было даже одно время, что я, во избежание долга, в течение двух недель питался только подожженным на жирной сковородке картофелем. Матвей часто приходил разделять мою трапезу, нимало не гнушаясь ее скудостью. Помню, как я в это голодное время пошел однажды на охоту на Охту и застрелил дикую утку, которую принес домой и съел с особенным наслаждением. Изредка навещал нас по вечерам бывший экзаменатор мой, добрый Шефлер. По воскресеньям бывал я на вечерах у Н. С. Мордвинова, где танцевали. Страсть моя к дочери его возрастала; я навестил адмирала однажды и на мызе, в Парголово, где он проводил часть лета с семейством. Более я ни у кого не бывал и проводил время дома. Вне служебных занятий вел я жизнь праздную, вовлекшую меня в школьные шалости, которые, может быть, несколько и повредили мне.

Первая попавшаяся мне книга была *Compte Mathieu**. Несколько раз прочитал я этот роман, который мне очень понравился, но разрушил все мои религиозные понятия и чувства; однако книга сия не заменила разрушенного новыми правилами, и потому она только спутала понятия мои, не возродив ничего нового. Мне тогда было 16 лет. За этой книгой попалась мне в руки «Новая Елоиза» Руссо. Чувствительность, выражаю-

* «Кум Матье, или Превратности человеческого ума» А.-Ж. Дюлорана. (Примеч. ред.)

щаяся в сих письмах, растрогала мое сердце, по природе впечатлительное. Разметанные первым чтением мысли мои начали приходить в порядок. Несколько раз прочитал я с большим вниманием «Новую Елоизу», и страсть моя к Н. Н. усилилась. Думаю, что начало это способствовало к развитию во мне нелюдимости, к которой я от природы склонен. Я тогда уже находил удовольствие в уединении, ходил по вечерам задумываться на Быки*, где просиживал до глубокой ночи, ходил на охоту и наслаждался своим одиночеством, когда лежал среди леса, растянувшись на траве вдали от свидетелей, коих, казалось, избегали и мысли мои. Предаваясь воображению, я сравнивал положение свое с положением независимого человека. Слог Жан-Жака увлекал меня, и я поверил всему, что он говорит. Не менее того, чтение Руссо отчасти образовало мои нравственные наклонности и обратило их к добру; но со времени чтения сего я потерял всякую охоту к службе, получил отвращение к занятиям, предался созерцательности и обленился. Я перемогал свою лень при исполнении обязанностей и стал уже помышлять об отставке. Я и теперь ленив, но не для того, однако же, сознаюсь в том, чтобы таким признанием пред собою скрыть множество других недостатков, ибо в лениности всего легче сознаться.

Мне очень желалось видиться с отцом и показаться в Москве в мундире. Получив отпуск на 28 дней, я отправился и был хорошо принят в родительском доме, где прежние знакомые, обращавшиеся со мною когда-то как с ребенком или учащимся, ныне с любопытством расспрашивали меня о Петербурге и службе. Мне особенно льстила встреча со старыми учителями, и не верилось, что я не обязан им более повиновением. Мне странно казалось и то, что власть родительская тяготела

* Быками называется выстроенная на Неве маленькая пристань против Таврического дворца.

на офицере как бы слабее, чем на ученике. Но вместе с тем я узнал, что родительский гнев в некотором возрасте чувствительнее, нежели в малолетстве. Гнев этот, возбужденный вмешательством моим в дела, не подлежавшие моему суждению, был, однако же, непродолжительный и остался без неприятных последствий. Доброе согласие между нами не нарушилось.

В то время как отец возил меня для определения на службу в Петербург, брат мой Михайло, оставшийся в Москве и сделавший уже замечательные успехи в математике, пригласил учителей своих, или, вернее сказать, соучащихся с ним, университетских профессоров, составить математическое общество, коего он назвал себя директором. Цель общества состояла в усовершенствовании науки. По возвращении батюшки в Москву предложили ему быть президентом. Сочинивши устав, просили князя Волконского принять звание члена общества, в которое были приняты и другие лица, в том числе и мы, два старших брата. Общество сие, постепенно развиваясь, превратилось в училище. Несколько московских молодых людей, познакомившись с батюшкой, просили его преподавать военные науки, на что он согласился. Брат Михайло занялся преподаванием математики, профессора же каждый по своей части. Когда я приехал в Москву, то застал уже человек десять учеников. Батюшке пожалован был государем перстень с изображением вензеля Его Величества. В числе учившихся были двое Колошиных, Михайло и Петр (третий брат их Павел был еще ребенком). Старшему было двадцать лет. Скромность его и приличие в обращении привлекали меня к нему; мне казалось, что его тревожила скрытая грусть и что он искал друга, которому мог бы поручить свои думы. Также и я надеялся получить его доверенность. Мы взаимно объяснились в сердечных наших тайнах, после чего подружались с тем теплым увлечением души, какое дано нам ощущать только в молодых летах.

* * *

(Писано в Тифлисе, в октябре 1817 года)

Мне оставалось только три дня жить в Москве до истечения отпуска, и я собирался уже выехать в Петербург; но у батюшки готовился экзамен, и ему хотелось, чтобы я был свидетелем, дабы мог лично доложить князю Волконскому об успехах его учеников, почему и поручил мне все устроить к вечеру. Экзамен состоялся в присутствии многих профессоров университета и был удачен. М. Колошин в особенности отличился своими познаниями. На другой день экзамена я выехал из Москвы; батюшка провожал меня за четырнадцать верст от города и, по видимому, старался ласками своими изгладить впечатление от небольшой размолвки, между нами случившейся.

По возвращении в Петербург я застал уже Главный штаб переведенным из Михайловского замка в Кушелева дом, где изготовлялось помещение для колонновожатых, их классов и несколько квартир для офицеров.

По приведении всего этого в окончательное устройство переселили туда 24 человека колонновожатых. Директором сего нового училища был назначен полковник Хатов, помощником его подполковник Шефлер, а дежурными надзирателями: поручик Окунев, подпоручик Дьяконов и я. Я переехал на новую свою квартиру и вступил в должность, которая состояла в том, чтобы смотреть за поведением колонновожатых, живущих в доме, ежедневно осматривать одежду у всех собиравшихся на лекции 60 колонновожатых прежде и после классов, в классах блюсти за порядком и тишиной; колонновожатых, живущих в доме, водить вместе к обеду в общую застольную, увольнять по билетам со двора, ввечеру подавать рапорт о происшедшем помощнику, ночью делать рунды по комнатам, поверять дневальных и делать три раза в день перекличку. Кроме того, должно было колонновожатых водить на все парады, где они выстраивались по ранжиру.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Со времени выступления в Богемию после перемирия до выступления в поход во Францию из Франкфурта-на-Майне

Третья кампания

Перемирие кончилось в начале августа. Оно продолжалось более двух месяцев, в которое время как французы, так и мы, усиливались вновь прибывавшими людьми, так что полки наши были комплектны к выступлению в поход. Корпуса были сильные. В одном корпусе Витгенштейна имелось более 30 000 пехоты. Он составлял авангард главной действующей армии, коей командование государь вверил Барклаю де Толли. Прочие корпуса соответствовали сему силой. Гвардейские полки были в отличном виде, конница отъелась и поправилась; словом, у нас явилась новая армия, укомплектованная из Варшавы батальонами и эскадронами, которые формировали Лобанов и Жандр, бывший адъютант великого князя.

Пруссаки также времени не теряли и укомплектовали разбитые полки свои. Они устроили по примеру нашему множество ополчения (Landwehr), которое не уступало ни в чем регулярному войску. Они сформировали еще несколько полков из охотников, людей достаточных, но вступивших в службу рядовыми из любви к отечеству, ибо в то время царствовал в Пруссии удивительный

дух во всех сословиях. Студенты, ремесленники определялись в службу. Ополчения прусские были одеты наподобие русских, в синих полукафтанных, а на фуражках имели медные кресты с надписью: «Für König und Vaterland»*. Кроме того, составили в Пруссии поголовное ополчение под названием Landsturm, которое состояло из всех оставшихся неспособных и старых людей (ибо никого более в деревнях не оставалось). Их вооружили пиками; они не были обмундированы, не знали никакой службы и не выходили никогда из своих селений. Пруссия, вооружившись таким образом, могла выставить без ландштурма в поле до 300 000 славного войска; пехота их была в особенности хороша. Такие силы были, конечно, несоразмерны народонаселению королевства, но это было последнее усилие Пруссии, после которого она бы более не восстала, если б война имела несчастливый исход.

С нашей стороны выступали из отдаленных губерний бесчисленные ополчения, которых, однако же, едва ли половина перешла за границу и четвертая доля возвратилась; причиной тому был дурной присмотр, который у нас обыкновенно имеют за людьми: они во множестве болели и умирали. Другая причина сих болезней была та, что ополчения проходили через губернии, где погибла французская армия и где она оставила заразу, опустошившую страну.

Наполеон тоже усиливался. К концу перемирия у него была многочисленная армия, но главные силы его состояли из пехоты, и мы всегда имели над ним преимущество конницы, преимущество, которым, однако, мы не умели пользоваться.

Во время перемирия обе стороны изоощряли дипломатическое искусство для склонения Австрии на свою сторону, что давало большой перевес: ибо Австрия,

* «За Короля и Отечество» (нем.).

пользуясь своим нейтралитетом, собрала также значительные силы, с которыми она была готова пристать к победителям. Австрийская армия стояла в Богемии. Во время перемирия дипломаты наши ездили в Прагу под предлогом лечения на теплых водах Теплицких, пользуясь тем для переговоров с Австрийским двором, который мы успели склонить к союзу. И мы двинулись с сильным войском в пределы Богемии для соединения с цесарской армией. Главная квартира Наполеона и главные силы его находились в Дрездене, где он укрепился.

Общий главнокомандующий, или генералиссимус, у союзников был австрийский фельдмаршал Шварценберг. Такое снисхождение государь согласился сделать цесарцам для удержания с ними союза. Шварценберг был родом чех или богемец, высокого роста, толстый, гордый, лично храбрый, но, как говорят и как последовавшие военные действия сие доказали, человек без военных дарований, нераспорядительный и нерешительный. Он не обладал теми качествами, которые должны ознаменовывать хорошего полководца.

План кампании у нас был следующий:

Прусский главнокомандующий Блюхер должен был с армией, состоявшей из пруссаков и русских, идти чрез Саксонию к Дрездену прямой дорогой, тогда как главные силы наши, соединясь с австрийской армией в Богемии, должны были под предводительством Шварценберга идти тоже к Дрездену по Теплицкой дороге³³. С главными силами нашими находились три государя, и русские войска в сем случае были все под начальством у союзных главнокомандующих.

Во время перемирия перешел на нашу сторону от Наполеона генерал Жомини, написавший известную книгу под названием *Traité des grandes opérations militaires* («О великих военных действиях»). Государь, приняв изменника с почестью, дал ему чин генерала в нашей службе, назначил к нему адъютантов и большое жало-

ванье. Хотя книга его признавалась дельной военными людьми, но он сам не был таким, каким его полагали. Теория и практика предметы весьма различные, и если б Жомини не пользовался расположением государя, который иностранцев часто предпочитал русским, то на него не обращали бы внимания, и остался бы он в презрении.

Во время перемирия приехал еще к нам из Северной Америки французский генерал Моро, человек честных, благородных правил и искусный полководец; он надеялся видеть отечество свое под правлением Бурбонов, коих был приверженец. Союзные государы держали его при себе и следовали его советам.

Мы выступили в августе месяце из кантонир-квартир и в один или два перехода прибыли с конницей в Мюнстерберг. Кроссар назначен был великим князем для делания дислокаций и занятия лагерных мест. Этот сумасшедший человек представил себе по обыкновению, что он командует всеми союзными войсками и что неприятель на носу. Когда надобно было лагерь занимать, то он без памяти скакал по обширному полю на маленькой крестьянской лошади, у которой грива не росла, а хвост был солдатами отрезан; часто кляча его не подвигалась вперед, и когда он ее бил и шпорил, то она брыкалась. Мы с Даненбергом подталкивали ее сзади и смеялись над Царем Фараоном. Он водил кирасирские полки с одной горки на другую и морил лошадей их; не зная ни слова по-русски, он сзывал их по своему во все горло и кричал вместо Екатеринославский Екатериноорловский, вместо Его Величества полк куирасы-косудар, вместо Ее Величества полк куирасы-косударын. У него был в одно время бессменный ординарец Староингерманландского драгунского полка, которого он иначе звать не умел, как Ермолинский.

Наконец, перестали его слушаться, и пока он рыскал по лесам и по горам с одним казаком, товарищ мой Даненберг и я покойно расставляли войска. Когда же дело

доходили до дислокации, то, едва умея различить на карте селение от речки, он держал квартирьера до ночи, бился, потел, смешивал, перековеркивал название селений и, наконец, ничего не приказывал, и дислокация составлялась нами; но так как он нам мешал и ответственность за промедление или неисправность легла бы на нас, а не на Кроссара, то мы принуждены были уезжать вперед и отправлять квартирьеров до его прибытия. Кроссар дело смекнул, и когда мы с половины дороги от него ускользали, то он кликал нас и силился нагнать; но лошаденка его брыкалась, не подвигаясь вперед, а Кроссар терзался и кричал:

— Ah mon Dieu, mon Dieu! Ah Jésus, Marie, les grandes opérations sont maintenant au diable; ces messieurs vent se faire tourner par l'ennemi, ils vont être pris en flanc* (тогда как французы находились от нас в 200 верстах).

Когда же Кроссар нагонял нас в городе или селении и находил уже всех квартирьеров разъехавшимися и дислокацию сделанной, то он оставался доволен и потчевал нас кофеем, который пил с утра до вечера.

Мы сказали Куруте, что Кроссар нам ничего делать не дает. Курута был на него недоволен, но ничего не мог сделать, потому что он был под покровительством великого князя. Он нам приказал стараться исполнять свою должность и делать дислокации без ведома нашего сумасбродного полковника. Хотя великий князь Куруту очень любил, целовал у него руки, слушался его и называл его своим наставником, но я сам слышал, как он однажды гонял и страшил почтенного наставника своего арестом за то, что старик забыл что-то приказать касательно движения войск и что Конная гвардия отстала с версту, тогда как великий князь любил ехать с нею вместе на переходах.

* О, мой Бог, Иисус, Мария! К черту теперь большие операции, эти господа хотят быть опрокинуты врагом, они будут разбиты с фланга (*фр.*).

Когда мы прибыли в Мюнстерберг и когда войска были расставлены в лагере, я приехал на квартиру свою, которую назначили мне на этот раз не у аптекаря. Однако мне хотелось увидеть прежнюю молодую хозяйку свою, и я отправился к ней. Увидев меня, она смешалась; старики мне обрадовались и к радости же отнесли смятение дочери. После первых приветствий она повела меня в приемную комнату, принесла туда кофею и трубку, потом заперла все двери на ключ и на задвижки и села со мною на небольшое канапе или, лучше сказать, в большие кресла, в которых мы едва могли поместиться... Я не решился воспользоваться ее слабостью. Проведя таким образом около часа, я с нею расстался, обещаясь возвратиться в сумерки. В обещанное время я пришел к дому аптекаря и застал все семейство и дочь сидящими на скамье, на улице подле ворот. Какой-то провиантский офицер сидел подле нее и жал ее руку в своих. Отец тотчас стал мне рекомендовать будущего зятя своего. Несчастливая не знала, куда ей деваться, а я в досаде ушел домой.

Спустя час после того пришел ко мне брат ее, мальчик лет 12-ти, с запиской, в которой она в самых страстных словах выражала свою привязанность ко мне, просила меня возвратиться и уверяла, что хотя по воле родителей рука ее и принадлежала тому офицеру, которого я видел, но что сердце ее мне принадлежало. Я послал ей в ответ через брата ее изустно жестокий отказ и лег спать. Пошел сильный дождь; ночью пробудил меня стук у дверей, и я узнал голос мальчика, который с плачем говорил, что ему не велено возвращаться без ответа. Я впустил его из жалости; он подал мне другую записку, в которой она заклинала меня всем возможным прийти к ней; но я безжалостно отказал и на другой день до рассвета переехал с главной квартирой Его Высочества в селение, отстоящее верстах в четырех от Мюнстерберга.

Мы тут дневали, и я имел случай ближе видеть Фридерикшу, которая несколько переходов провожала

Константина Павловича. Она приятная женщина и недурна собою; ей тогда было за 25 лет, и она не имела уже той свежести, которой женщины часто пленяют более, чем правильными чертами лица.

Вновь прибывшие во время перемирия резервные эскадроны для укомплектования полков начали с первых переходов упадать; потому что лошади их, непривычные к большим переходам по каменистым дорогам и к бивуакам, стали худеть и ослабли. Однако эскадроны сии держались еще кое-как до Дрезденского сражения, после которого в полках убавилось от переходов много рядов.

После дневки войска двинулись в горы, отделяющие Шлезию от Богемии. Мы шли через городок Франкенштейн. День был прекрасный, впереди представлялись нам горы в самом величественном виде, по равнине со всех сторон тянулись густые колонны войск. Подобные картины никогда из памяти не изглаживаются. Мы поднялись на вершину гор и прошли мимо крепости Зильберберг на границе прусских владений в горах. Крепость сия имеет необыкновенный вид; ее считают неприступной; заложена же, кажется, Фридрихом Великим. В ней производились работы, когда мы мимо проходили. Мы шли каменистым ущельем, иногда по воде, и пришли ночевать в городок Варту. На следующий переход мы начали выходить на равнину и продолжали марш через Браунау, Гичин, Мельник, Будин, Лаун и Таттину. Дорогой купил я еще лошадь чалую, огромной величины, которую назвал Галиотом и которая служила мне до возвращения в Петербург.

В Богемии народ совершенно розен от саксонского или вообще от германского. Богемцы более русские, чем немцы. Они называют себя чехами и говорят по-славянски. В народе заметна при грубости и смышленность, отличающая наших соотечественников. Они также имеют много обычаев, схожих с нашими.

По вступлении в Богемию пруссаки вспомнили старинную вражду свою с австрийцами и обращались там, как в неприятельском краю, отчего они более оставались в убытке. У нас же, русских, приказано было вести себя как можно скромнее, и потому мы часто переносили обиды от жителей и затем еще оставались виноватыми. Мы часто нуждались в квартирах и пище по недружественным распоряжениям австрийцев; когда же нужда заставляла нас посылать на фуражировку, то по людям нашим стреляли, а после нас же наказывали. Однако, когда наши выходили из терпения, то, невзирая на приказания начальства, они вступали в бой с вооруженными мужиками и австрийцами, стоявшими на залогах, и мы всегда имели верх и приводили союзников под караулом.

Женщины в Богемии красивы, но также были мало приветливы к нам, как и мужья их; я видел в Браунау одну девушку лет 19-ти такой красоты, какой едва ли где встречал.

Первые австрийские войска, которые мы увидели, были пехотные. Мы ожидали, по словам Кроссара, встретить отличную армию, но, напротив того, увидели несчастных солдат, одетых в грязные мундиры, бывшие некогда белыми. Амуниция была в небрежном виде, офицеры смотрели очень дурно, войско было невыученное, без большого порядка и совсем без духа. Кроссар утешал нас тем, что по одному полку не должно судить о всей армии; но когда мы увидели огромные колонны, или массы, австрийских полчищ, тогда уверились, что не ошибочно было наше первое мнение о них. Австрийская пехота была плохая, особливо та, которая состояла из настоящих австрийцев. Гренадеры их все набраны из славян или кроатов, народ рослый, сильный и храбрый, но вместе с тем грубый и свирепый; в гренадерских полках нижние чины не говорят по-немецки, а по-славянски, тогда как офицеры у них из немцев и командные слова

на немецком языке. Случалось, что офицеры не могли объяснить со своими людьми иначе как с помощью русского переводчика. Австрийская конница превосходнее пехоты, люди хорошо ездят и умеют беречь лошадей, хорошо одеты, но со всем тем дурно дерутся, от того что офицеры у них плохие и большей частью из низших сословий, как то ремесленников и пр. Австрийская артиллерия в сражении хорошо действует, хотя люди и офицеры одеты, как сапожники; мундиры их можно даже назвать шутовскими, к тому же они оборваны и засалены. В австрийской армии вообще нет ни духа, ни настоящего повиновения, и потому войска сии не могут быть надежными; хотя славяне и храбры, но под предводительством тех офицеров, которые ими начальствуют, лучший солдат никуда не будет годиться. На переходах люди отстают и уходят в селения по сторонам, где проживают во время похода, предаваясь грабежу; единственное извинение такого беглеца состоит в слове *ich bin Marode*^{*}, и с сим отзывом он как будто имеет право уклоняться от службы. Через сие самое случается то, что после трех или четырех трудных переходов недосчитываются половины полка. Беспорядки сии усиливаются в австрийских войсках, когда им не дадут покойно переночевать или отобедать. Вялое войско.

В австрийской армии есть славная конница, состоящая из венгерских гусар; они хорошо одеты и содержаны, знают в совершенстве аванпостную службу и храбры, офицеров имеют лихих, но войско сие не привержено к австрийскому двору. Венгры всегда были в ссоре с прочими цесарскими войсками и, напротив того, в дружбе с русскими. Есть также у австрийцев несколько баталионов отличных стрелков, которых называют *sitbenburger*, или семигорцы; они храбры, стреляют метко и имеют хороших офицеров, одеваются нарядно.

^{*} «Я мародер» (нем.).

Австрийский император не имеет гвардии. Гренадеры заступают место телохранителей его. Гвардией же его называются две небольшие дружины, состоящие каждая из 30 или 40 человек богемцев и венгров из лучших дворянских фамилий. Они служат в звании рядовых, окружают государя своего и одеваются так же странно, как их царь, т. е. в серых мундирах, красных штанах и треугольных шляпах с зелеными султанами. Первая дружина называется Богемской гвардией, а вторая Венгерской. Они не знают никакой службы и составляют просто свиту императора, но свита сия придает двору более странности, чем пышности; ибо эти благородные гвардейцы большей частью не смотрят молодцами: подле толстого старика видишь 15-летнего мальчика, совершенные карикатуры. Но у императора Франца есть еще гвардия, состоящая из 150 человек и называющаяся *Extragarde*. Она составлена из старых инвалидных солдат, одетых с замечательным безвкусием. Инвалиды сии содержат внутренние караулы во дворце и служат также за столом у императора.

Одно из больших зол в австрийской армии — это обозы, коим нет конца. Когда австрийская армия истлела на переходах во Франции, то оставались одни обозы; колонны огромных крытых белых фур тащились по всем дорогам, грабили, разоряли край и останавливали движение войск; ибо с остановкой одной фуры останавливался весь обоз, так что русские начальники не находили другого средства на ночных переходах, как посылать одного офицера вперед к первой фуру, чтобы разговориться с австрийским начальником обоза, а между тем вынуть из колеса передней фуры чеку: колесо сваливалось, фура ложилась на бок, и вся колонна фурвезена останавливалась. Около заброшенной чеки собирался совет, который после долгих рассуждений, наконец, решался общими силами вставить новую чеку, между тем как наши войска и артиллерия обгоняли обозы. (Это сделал адъютант Ермолова Муромцов.)

Ю

Юзефович Дмитрий Михайлович (1777–1823), полковник, шеф Харьковского драгунского полка — 190, 195, 198, 220–223

Юлай — см. *Гиулай*

Юнг, подпоручик Свиты Е. И. В. по квартирмейстерской части — 176, 185, 186, 213

Юрковский Анастасий Антонович (1755–1831), генерал-майор — 227, 229–231

Юшкова Екатерина Петровна — 459, 486

Я

Языков 1-й Дмитрий Семенович (1793–1856), поручик Кавалергардского полка — 433, 434

Яковлев Александр Александрович, штабс-капитан лейб-гвардии Драгунского полка — 298

Яковлевы — Яковлев 1-й Александр Савич, поручик лейб-гвардии Драгунского полка; Яковлев 2-й Павел Савич, прапорщик лейб-гвардии Драгунского полка — 298

Якушкин Иван Дмитриевич (1793–1857), прапорщик лейб-гвардии Семёновского полка — 356

Содержание

Предисловие.....	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Со времени определения в службу до выступления в поход. 1811–1815.....	11
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Со времени первого выезда из Петербурга до второго в 1813 году.....	47
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
Со времени второго выезда моего из Петербурга в армию 1813 года до конца перемирия в Шлезии и до выступления в поход в Богемию того же года	266
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	
Со времени выступления в Богемию после перемирия до выступления в поход во Францию из Франкфурга- на-Майне	330
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	
Со времени выступления в поход из Франкфурга до выступления в поход из Петербурга в Вильну в 1815 году.....	397
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	
Со времени выступления в поход в Вильну до выезда моего из Петербурга в посольство Персидское	490
Примечания.....	504
Именной указатель	511

Муравьев-Карский Николай Николаевич
СОБСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ: 1811–1816

Редактор *Т. Н. Манцевич*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректор *Г. Н. Кузьмина*

ООО «Кучково поле»
119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 12, стр. 4, пом. 13
Тел.: (495) 256 04 56, e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 08.11.2019.
Формат 125 × 200 мм. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 300 экз.

По вопросам приобретения обращайтесь
в отдел продаж: e-mail: sales@kpole.ru
Тел.: (495) 256 04 56 доб. 1

ISBN 978-5-9950-0987-0 (12+)